

Сказка Туве Янссон " Мемуары папы Муми-тролля " Пролог и предисловие

Однажды, когда Муми-тролль был совсем маленький, его папа в разгар лета, в самую жару, умудрился простудиться. Пить горячее молоко с луковым соком и сахаром он не захотел. Даже в постель не лег, а сидя в саду на качелях, без конца сморкался и говорил, что это от ужасных сигар. По всей лужайке были разбросаны папины носовые платки.

Муми-мама собирала их в маленькую корзиночку.

Когда насморк стал еще сильнее, папа перебрался на веранду и, устроившись в кресле-качалке, закутался в одеяло. Мама принесла ему большой стакан коктейля с ромом, но ром показался папе таким же невкусным, как и молоко с луком, и тогда, совсем отчаявшись, он поднялся в северную мансарду и лег там в кровать. Он никогда раньше не болел и теперь совсем упал духом.

А когда заболело еще и горло, папа велел маме позвать Муми-тролля, Снусмумрика и Сниффа. Они обступили папину кровать, и Муми-папа обратился к ним с прощальной речью: пусть, мол, никогда не забывают, что на их долю выпало жить вместе с ним – настоящим искателем приключений. Под конец папа так охрип, что когда он попросил Сниффа принести трамвайчик из пенки, стоявший на комод в гостиной, никто не мог понять, что с ним такое происходит.

Все стали наперебой утешать папу, потом закутали его в одеяла и, разложив на тумбочке леденцы, аспирин и увлекательные книжки, вышли на солнышко.

А папа посердился–посердился да и заснул. Когда, уже под вечер, он проснулся, горло болело чуточку меньше, но папа все еще был не в духе. Он позвонил в колокольчик, стоявший на прикроватной тумбочке, мама тут же поднялась в мансарду и спросила заботливо:

– Как ты себя чувствуешь?

– Скверно, – отвечал папа. – Но это не имеет значения. Сейчас гораздо важнее поговорить о моем пенковом трамвайчике.

– Это тот трамвайчик, который украшает нашу гостиную? – удивилась мама. – А что с ним такое?

Папа приподнялся и сел в кровати.

– Ты что, в самом деле не знаешь, чем был для меня в дни первой молодости этот трамвайчик?

– Наверное, ты выиграл его в лотерею или что–нибудь в этом роде, – предположила Муми-мама.

Папа чихнул и, покачав головой, со вздохом заметил:

– Я так и думал. А что, если бы нынче утром я умер от простуды?! Ведь никто из вас и понятия не имеет об истории этого трамвайчика, как, впрочем, и о многих других важных вещах. А я ведь рассказывал вам о своей молодости, но вы, конечно, все забыли.

– Может, какие–то мелкие подробности я и забыла, призналась мама. – Память–то постепенно слабеет... Хочешь есть? Сегодня на обед фруктовый суп и желе.

– Ужас, – мрачно изрек папа и, повернувшись к стене, сильно закашлялся.

Мама Муми-тролля поглядела на мужа и вдруг сказала:

– Знаешь, я сегодня убиралась на чердаке и нашла большую–большую тетрадь. Что, если тебе написать книгу о своей молодости? Папа перестал кашлять.

– Пока ты простужен и не можешь выходить из дома... – продолжала мама. – Когда пишут о своей жизни, это, кажется, называется мемуары или что–то в этом роде?

– Не мемуары, а мемуары. – буркнул папа.

– А вечером ты бы читал нам вслух то, что написал за день, – продолжала уговаривать его мама. – Но можно и после завтрака или обеда.

– Так быстро книгу не напишешь, – проворчал папа и высунулся из–под одеяла. – Не думай, что это просто: взял и написал. Я не стану читать, пока не закончу всю главу. И сначала прочитаю только тебе, а потом уже всем остальным.

– Да, пожалуй, ты прав, – согласилась мама и полезла на чердак за тетрадью.

– Как папа? – спросил Муми-тролль.

– Получше, – улыбнулась мама. – А теперь, малыши, не шумите, потому что с сегодняшнего дня папа начинает писать мемуары.

Воспоминания

Я, папа Муми-тролля, сижу в этот вечер у окна и вижу, как на темном бархате мглы светлячки вышивают таинственные знаки. Эти быстро тающие завитки – следы короткой, но счастливой жизни.

Отец семейства и хозяин дома, я с грустью оглядываюсь на свою бурную молодость, которую собираюсь описать, и перо мемуариста нерешительно дрожит в моей лапе.

Однако я успокаиваю себя мудрыми и утешительными словами, которые прочитал в мемуарах еще одной значительной личности и которые здесь воспроизвожу: "Каждый, к какому бы сословию он ни принадлежал, если он совершил славное деяние или то, что воистину может почитаться таковым, должен собственноручно описать свою жизнь. Хотя и не следует браться за это прекрасное дело, пока не достигнешь сорокалетнего возраста. Если, конечно, он привержен истине и добру".

Мне кажется, я совершил немало славных дел, а еще больше таких, которые представляются мне славными. И я в достаточной степени добр, привержен истине, когда она не слишком нудная (а сколько мне лет, я забыл).

Да, так вот: я уступил настояниям моего семейства и собственному искушению рассказать о самом себе. И охотно сознаюсь в том, что считаю очень заманчивым, если меня станут читать во всей долине муми-троллей!

И да послужат мои неприятельные заметки уроком и утешением всем муми-троллям и в особенности моему сыну. Моя некогда прекрасная память, разумеется, чуточку притупилась. Но, за исключением отдельных преувеличений и небольших ошибок, которые наверняка только усилят местный колорит и живость изложения, жизнеописание мое будет вполне соответствовать действительности.

Уважая чувства всех ныне здравствующих лиц, я иногда заменял, к примеру, филифьонку хемулями, а гафс – ежихами и так далее; но догадливый читатель в каждом отдельном случае поймет, как было на самом деле.

Кроме того, он поймет, что Юксаре – это таинственный папа Снусмумрика, и наверняка догадается о том, что Снифф – сын зверька по имени Шнырек.

Ты же, мое малое и еще неразумное дитя, прочитай историю приключений трех отцов и задумайся над тем, что один папа не слишком отличается (по крайней мере, не отличался в молодые годы) от другого.

Ради себя самого, своей эпохи и своих потомков я обязан описать нашу удивительную юность, столь богатую приключениями. И думаю, что многие, читая мои мемуары, задумчиво поднимут мордочки и воскликнут: "Каков этот муми-тролль, а?" Или: "Вот это жизнь!" (Ужас, какой важной персоной я себя ощущаю.) [Если вы теперь всерьез приступите к чтению моих мемуаров, я предложил бы, чтобы вы снова все начали с самого начала.]

Под конец я хочу горячо поблагодарить всех тех, кто в свое время способствовал тому, что жизнь моя стала произведением искусства. И прежде всего Фредриксона, хатифнаттов и мою жену, единственную в своем роде Муми-мamu.